

П Е Р Е В О Д Ы

А. Райф

ОБ АГРЕССИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

/беседа с Эриком Фроммом/

пер. с англ.

Р А Ч Е: Г-н профессор Фремм, в последние годы появилось тысячи статей и книг, в том числе, к сожалению, и псевдонаучных, в которых затрагиваются различные стороны вопроса о человеческой агрессивности. Большинство из них отстаивают одну из двух диаметрально противоположных концепций: 1) агрессивность — это **и н с т и н к т**, который унаследовал человек в процессе эволюции у животных и сохранил его почти неизменным; 2) агрессивность — это **п р и о б р е т е н н о е** в процессе обучения **п о в е д е н и е**, продукт культуры. В сущности, вся литература на эту тему делится на теории в защиту инстинкта /Конрад Лоренц и его школа/ и критику таких теорий.

Появление Вашей книги "Анатомия человеческой деструктивности" придала новое направление спорам о природе человеческой агрессивности. Ваши взгляды выходят за пределы бихевиористской и антилоренцевской формулы "Не инстинкт, а обучение". В своей книге Вы, в частности, пытаетесь показать, **п о ч е м у** стремление человека к разрушению является не "врожденным инстинктом" /как считает Лоренц и его последователи/, а зависимым от культуры изменением личности, то есть не природным, а социальным феноменом.

Ф Р Е М М: Первая трудность, с которой сталкиваешься при самом общем рассмотрении проблемы, связана с крайне неразборчивым и неточным употреблением слова **а г р е с с и в н о с т ь**: фактически, во всей литературе от Фрейда до Лоренца и бихевиористов с агрессивностью связываются понятия, не имеющие друг с другом ничего общего. Агрессивностью называют:

активно-наступательные действия человека /в соответствии с первоначальным значением слова **а г р е с с и в н о с т ь**, происходящего от ла-

ТИНСКОГО *aggredi*: "нападать";

применение в целях самозащиты физической силы;

причинение другому человеку страдания или власть над ним, доставляющая удовольствия;

стремление к уничтожению вещей и живых существ. Некоторые психоаналитики относят к агрессивности даже пахоту, когда земля подвергается "нападению" и ей наносят "раны"! По-моему, здесь-то и зарыта собака: охарактеризовав перечисленные действия одним словом, можно без особого труда перенести характерные черты защитной агрессивности /то есть необходимости в самозащите/ на такие ее отрицательные разновидности, как садизм или страсти к уничтожению. Так поступает Конрад Лоренц, таков ход его рассуждений.

Вот мой ответ на вопрос относительно общей позиции инстинктивистов /вроде К. Лоренца/ и бихевиористов /вроде Б. Скиннера, чей нео-бихевиоризм овладел ныне американскими университетами/. К сказанному добавлю, что точки зрения бихевиористов и инстинктивистов не столь отличаются друг от друга, как кажется: у обеих школ совершенно отсутствует представление о человеке как о существе, обладающем сознанием и свободой выбора. У бихевиористов человек полностью детерминирован собственными настоящим, то есть социальными нормами; у инстинктивистов — прошлым, то есть инстинктами, мало изменившимися в ходе эволюции. Для обеих школ человек — всего лишь марионетка, которая послушно выполняет чужие команды, в связи с чем возникает следующий вопрос: почему обе ведущие школы современной психологии выступают за такую модель человека, где исключены столь специфические человеческие свойства, как свобода, воля и сознание?

Р А Ф: Если взять теорию Конрада Лоренца и его школы, то можно делать выводы о поведении человека на основе наблюдений за поведением животных, причем даже не млекопитающих...

Ф Р О И М: Подобная критика, безусловно, оправдана, и мне почти ничего добавить к Вашим словам. Н.Тинберген, более осторожный и объективный исследователь, чем Лоренц, негрустно высказался на этот счет, заявив о сомнительной научной ценности такого рода аналогий. По-моему, они вообще не имеют никакой ценности, я абсолютно не понимаю, как из наблюдений за поведением гусей можно делать какие-то выводы в области советско-американской политики! Нельзя забывать, что, будучи в чем-то животным, человек не является им во многих других отношениях. Нейрофизиологи определили, что человеческий мозг существенно отличается от мозга обезьяны. С психологической точки зрения, человек — единственное животное, которое может понять границы своего поведения, свое ничтожество, будущее и смерть. Но это не значит, что человек — единственное разумное существо, как считают некоторые, ибо и у животных есть интеллект. Под "интеллектом" я, в данном случае, понимаю процесс мышления, цель которого — так обращаться с предметами, чтобы удовлетворить возникающие потребности. Когда шимпанзе выполняет ряд довольно сложных манипуляций для того, чтобы достать банан, или решает трудные задачи, он оказывается порой сообразительнее некоторых людей, не способных к столь ловким действиям. Интеллект в моем понимании — это мышление, направленное к оперированию, своеобразный вспомогательный механизм для действия с предметами, который у приматов развит лучше других животных. Правда, другие животные тоже обладают интеллектом. Если задуматься серьезно,

то придется признать, что многие люди /если ли не большинство/ используют только операционный интеллект и почти не применяют собственно **р а з у м**, с помощью которого происходит не манипуляция предметами, а понимание, постижение причин окружающих явлений.

Подводя итог, можно сказать следующее: человек наделен как интеллектом, так и разумом. Человек — **у н и к а л ь** — **нр/е** творение природы, в котором /в отличие от животных/ жизнь осуществляет самопознание. По-моему, именно этот фактор лежит в основе всевозможных психических реакций человека; именно здесь недопустимы никакие — ни нейрофизиологические, ни психологические — аналогии между человеком и животным.

Р А Б Э: Конрад Лоренц определяет агрессивность как "импульс к борьбе с особями своего вида". Согласно Лоренцу, человек находится в плену у инстинктов и практически не способен обуздать свою агрессивность.

Американский антрополог Александр Алленд пишет другое:

"Человек не опутан по рукам и ногам биологическими законами и обладает огромными биологическими возможностями. Кроме способности к агрессивности, он наделен способностями к сочувствию, взаимопомощи и любознательности, которые выражаются в соответствующих формах поведения. Человек рождается со способностями к абстрактному мышлению, к обучению языку, к творчеству и экспериментированию. Будут ли эти способности реализованы и каким образом, зависит от социального опыта, который он получает в семье и других социальных группах".

Мне кажется, что в споре с Лоренцем интересно сравнить эти две позиции, и я просил бы вас подробнее остановиться на этой важной проблеме.

С Р О М М: Начну с критики общей концепции Конрада Лоренца об агрессивном импульсе. Напомню, что, согласно Лоренцу,

агрессивный импульс может самостоятельно усиливаться и возрастать до определенного уровня, дойдя до которого он нуждается в разрядке, удовлетворении. Таким образом, Лоренц считает, что агрессивный импульс не есть реакция на конкретные ситуации, но /как сексуальность у Фрейда/ появляется в результате нейрофизиологических причин и требует удовлетворения, а если оно не наступает, то он - "вырывается наружу". С некоторыми оговорками эта концепция подходит для характеристики сексуальности или голода, но в случае агрессивности она противоречит теории и открытиям современной нейрофизиологии. Имеется множество работ нейрофизиологов, где убедительно доказывается реактивная природа агрессивности. В общих чертах, агрессивность - это реакция на угрозу жизни или важным интересам животного или человека, т.е. агрессивность появилась и функционирует вполне в духе Дарвина - в качестве защитного механизма для выживания особи и вида. Агрессивность - отнюдь не заранее данный нарастающий импульс; идущие в мозгу процессы обычно поддерживают равновесие между агрессивностью и торможением и, следовательно, активной агрессивности вообще нет. Агрессивность мобилизуется тогда, когда особь - животное или человек - сталкивается с угрожающей жизни опасностью; с исчезновением опасности, исчезает и агрессивность. Иначе говоря, агрессивность является защитной реакцией, а не самонарастающим внутренним импульсом, как считает Лоренц. Он утверждает, что наша агрессивность - вовсе не результат существования разных политических партий, а как раз наоборот, возникновение политических партий вызвано потребностью в конфликтах, с помощью которых люди реализуют свои агрессивные импульсы. То же самое относится и к войне. По Лоренцу, не война делает людей агрессивными /реакция на опасность для жизни/, а людям необходима война, чтобы удовлетворить свои агрессивные импульсы. Вслед за Фрейдом, Лоренц полагает, что не проявлять свою агрессивность человеку очень вредно и опасно.

Приведенная Вами цитата затрагивает также тот факт, что, хотя у человека нет врожденного агрессивного импульса,

известные нейрофизиологи подтверждают существование у него таких важных нейрофизиологических свойств, как импульс к сотрудничеству. В "Анатомии человеческой деструктивности" я называю ряд ученых, которые считают врожденным свойством человеческого мозга даже способность человека любить и выдвигать цели, ведущие к его развитию. Здесь следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Обсуждая гипотезу о наследовании тех или иных элементов из палеолитических эпох /в частности, из периода охоты и собирательства, когда около 50 000 лет тому назад возник "современный" человек/, нельзя не заметить, что важнейшую роль в жизни охотников и собирателей играли взаимопомощь и деление пищи, а не жестокость и тяга к убийству, как считают некоторые ученые. Мысль о чрезмерной жестокости первобытных охотников, которые якобы причиняли животным страдания ради собственного удовольствия, — не что иное, как романтическая фальсификация /можете назвать это и по-другому/. Настоящий охотник ведет себя как хищный зверь — спокойно и бесстрастно. К слову сказать, у хищного зверя отнюдь нет жадности убийства; современная нейрофизиология утверждает, что у него импульс к нападениям и убийству не связан с защитной агрессивностью.

В принципе, **з а щ и т н а я а г р е с с и в н о с т ь** биологически и физиологически заложена в человеке и животном и направлена к сохранению вида. Эта агрессивность, которую я именую "полезной", является реакцией на опасность и не выдвигает перед нами принципиальных проблем, ибо она не возникает, когда человеку ничто не угрожает. Конечно, в своем историческом развитии человек то и дело сталкивается с разнообразными опасностями, но это совсем необязательно, — ведь известны многие миролюбивые первобытные племена, и вовсе не трудно представить себе социальный миропорядок в духе библейских пророков, которые возвещали о мировой гармонии, когда человек не будет веять страха /страх непосредственно связан с угрозой и вызываемой ею агрессивностью/.

Конечно, человек проявляет чаще и в больших масштабах защитную агрессивность, чем животные, но на то имеются причины.

Во-первых, животное, как угрозу воспринимает лишь то, что происходит "тут и сейчас" и реагирует только на непосредственную опасность, тогда как напеленный могучим воображением человек видит опасность даже там, где ее в действительности еще нет, поскольку он находит и толкует признаки, по которым чужое племя или государство могут напасть на него врасплох, то есть реагирует не просто на непосредственную, но и на далекую опасность.

Во-вторых, в отличие от животных, человек защищает не только свою жизнь, свободу, потомство и т.д., но и другие жизненно-важные интересы, присущие ему как человеку. Существуют разнообразные ценности, установления, личности и символы, к угрозе которым он относится как к собственной и реагирует на нее со все большей агрессивностью.

... В-третьих, человек несравненно легче, чем животное, поддается внушению. Людям можно "промыть мозги" и убедить их в наличии угрозы, даже если ничто им не угрожает, чем обычно пользуются правительства при подготовке к войне. Так поступил, в частности, Гитлер, организовав нападение на радиостанцию в Глейвице, которое должно было показать немецкому народу, что поляки угрожают Германии. К этому старому трику охотно прибегают страны-агрессоры для возбуждения агрессивности в своем народе, что легче сделать, если все думают: "Я обороняюсь от нападения". Представьте себе политического деятеля, который обращается к своему народу: "Мы начинаем войну для того, чтобы захватить соседние страны, поработить чужие народы и убить побольше людей!" — уверен, что кроме ничтожного меньшинства никто за ним не пойдет. Вот и приходится такт свои истинные намерения и мистифицировать народ наличием угрозы извне — только этим можно добиться подъема защитной агрессивности. Тиннберген говорит еще об одной важной проблеме: "Человек — единственное животное, которое убивает особей своего вида и получает удовольствие от убийств, разрушений и пыток. В чем причина этого?" Так как у животных, по крайней мере у млекопитающих, ничего подобного нет, то Лоренц отыскивает среди птиц и рыб редкие случаи садизма и деструктивности. В действительности, опасная агрессивность, с которой в наше время мы ста-

живаемся повсеместно /например, в тоталитарных странах, где карательные учреждения состоят, как правило, из людей, не просто выполняющих приказы начальства, но и испытывающих удовольствие от убийств и пыток/, — это совершенно ч е л о в е ч е с к а я агрессивность, которая безусловно, отличается от защитной агрессивности у человека и животных. Если мы хотим понять исходящее от человека зло и опасность, то надо оставить в стороне защитную, биологически обусловленную агрессивность и спросить: Чем вызвана вредная агрессивность человека, откуда она взялась, где ее корни? Этот необычайно важный вопрос рассмотрен в "Анатомии человеческой деструктивности".

Р А Ч О: До сих пор мы говорили о защитной агрессивности. Что же такое "вредная агрессивность" и каковы ее причины?

Ф Р О М М: Не существует инстинктов, которые не испытали бы определенного воздействия со стороны окружающей среды и в процессе обучения. Однако я буду пользоваться понятием "инстинкт" в обычном смысле, то есть как его понимают большинство людей.

Можно сказать, что защитная агрессивность — это разновидность инстинкта, который появился от стимулов и факторов, попадающих под общее понятие — "угроза жизненно-важным интересам". В отличие от нее, "вредная агрессивность" не есть реакция на такую угрозу, то есть не совокупность реакций на определенный стимул с точки зрения нейрофизиологии, а возникает — что очень важно — из х а р а к т е р а.

Р А Ч О: Но что такое характер?

Ф Р О М М: Слово х а р а к т е р, в том смысле, в каком я его употребляю, ввел Фрейд, хотя уже у Бальзака и Достоевского имелся более полный, чем у него, описания характеров, которые в теоретическом отношении облачают сходным значением, поскольку в них характер раскрывается как система побуждений, образовавшаяся у человека к определенной поре

жизни /конечно, эта система не остается совершенно неизменной, но, сформировавшись, она изменяется мало/ и циклическая, в конечном счете, его поступки, чувства и мысли.

Концепция характера как динамической системы - выдающееся достижение Фрейда. Любопытно, что по сих пор она привлекает к себе сравнительно мало внимания. Сходным образом не вышла за пределы профессионального круга и не обрела популярности фрейдистская теория об Эросе и Танатосе /влечение к любви и смерти/. Практически, от Фрейда была взята только теория сексуальности, так что когда говорят о Фрейде или цитируют его труды, то наверняка подразумеваются открытые им механизмы сублимации и подавления, ϕ толкование символов или, наконец, ϕ сексуальность /в основном, ϕ детской сексуальность как основа любой патологии/, но ни в коем случае не концепция динамического характера - ключ к пониманию человеческого поведения.

Вероятно, в этом свою роль сыграл механизм подавления или, точнее, механизм сопротивления. Если задать человеку вопрос: Кто же ты на самом деле? Чем вызваны твои действия, в отличие от того, во что ты веришь или притворяешься, что веришь, в отличие от представления, которое ты создал о себе или стараешься создать? - вот тогда человек действительно столкнется со сложными личными проблемами, тогда ему придется снять маску, раскрыться, но кто рискнет на это, если речь идет о себе, а не о других? В результате возникает своеобразное молчаливое согласие, и человек предпочитает вообще не ставить такого вопроса, заменив его на более безопасную тему: что он подсмотрел в родительской спальне, когда ему было четыре года. Согласитесь, это - огромный ущерб, ибо большинство проблем как отдельных индивидов, так и общества в целом можно понять только путем изучения человеческого характера.

В историко-биологической плоскости характер развивается таким образом, что во всяком конкретном обществе люди, грубо говоря, **х о т я т** поступать именно так, как они **д о л ж н ы** поступать - характер заставляет их думать, чувствовать и действовать соответственно тому, чтобы в дан-

них социальных условиях это способствовало сохранению не только вида, но и общества. Например, в обществе воинов муж-чина должен обладать агрессивным, воинственным характером, терпеливо переносить трудности походной жизни, испытывать удовольствие от сражений, убийства и т.п. Такой человек .. оказался бы совершенно непригоден среди земледельцев и едва бы чем-нибудь выжил из-за полного несоответствия указанных свойств характера. Здесь здесь от него потребовался бы характер, склонный к сотрудничеству, к поддержанию дружеских отношений, к разделу урожая с другими членами коллектива.

Возьмите "современного" человека, члена кибернетического общества, которого я определяю как "человека потребляющего". Этот человек должен повиноваться анонимной власти, делать то, что требует от него организация, обладать невысокой чувствительностью. Участием в производстве он удовлетворяет свое стремление к прогрессу, но лишь такое, которое не противоречит социальному требованию; остальные стремления удовлетворяются тем, что есть. Попробую дать краткую формулу: отчужденный характер — это характер, отвечающий потребностям современного общества. Любое общество формирует такой характер, который ему нужен.

Р А С С: Как же, в таком случае, объяснить существование в рамках одного общества разных, но в равной мере приспособленных к нему характеров? Каким образом в воинственном и агрессивном обществе человеку удается развить в себе миролюбивый характер?

Ф Р О М М: Это очень важный вопрос. Правильнее, однако, говорить о том, что во всяком обществе есть люди, которые не могут к нему приспособиться, хотя в основном члены общества хорошо приспосабливаются. Когда я говорю, что такой-то социальный характер нужен и полезен обществу в такое-то время, это вовсе не значит, что обществу удастся сформировать его у всех своих членов. В силу индивидуальных или групповых особенностей всегда появляются люди, которые не соответствуют социальному характеру. Отчасти это связано с негативными факторами; вспомните, что определенные социальные условия порождают крайне деструктивных людей, но

способных к установлению и поддержанию социальных связей. С другой стороны, историческое развитие вообще не было бы возможно, если бы в обществе не было людей, которые способны из-за своего несоответствия социальному характеру изменять и обновлять общество.

Р А Ч Ф: А откуда они берутся?

Ф Р О М М: По разным причинам: индивидуальным, вызванным семейными обстоятельствами, и социальным. Возьмите, например, вождей русской революции 1917 года. Как правило, они происходили из среднего и высшего класса, и тем не менее, по индивидуальным, семейным или социальным причинам выпадали из типичного характера своего класса и, как следствие, стремились к изменению социальных условий путем, который не отвечал представлениям, имевшимся у традиционного социального характера. В исторической перспективе такие исключения необычайно важны — это своеобразные мутации, которые при благоприятных политических и социальных условиях — делают возможными социальные изменения. В противном случае, эти люди обычно остаются за бортом истории, на них просто не обращают внимания, а то и объявляют сумасшедшими /они и в самом деле становятся ими, не в силах порой преодолеть своей изолированности/. Вместе с тем, такие люди — исключение; в целом, социальный характер вполне отвечает потребностям общества.

Р А Ч Ф: Но ведь "единого" общества не существует.

Ф Р О М М: Вы указали на важный момент: действительно, "единого" общества не существует; существуют о т д е л ь н ы е общества, и, соответственно, — различные структуры психики. Общество направляет деятельность всех своих социальных институтов /как, то: образование, пропаганда и т.п./ на создание вполне определенного социального характера. Иначе говоря, общество н е м о ж е т использовать человеческую энергию как энергию вообще, оно должно сначала ее преобразовать в конкретную, годную для его целей, форму. Таким

образом, социальный характер — это трансформация абстрактной социальной энергии в особый вид энергии, который нужен обществу в рамках определенной социальной системы.

Р А Б Ф: Какой культурно-социологический вывод можно сделать из этого?

Ф Р О М М: Вот этот вывод: человек — социально детерминированный продукт. Но я имел в виду не "детерминированность" бихевиористов, а конкретные социальные системы и их действие на структуру человеческого бытия. В данном случае важно указать, что человек — это не чистый лист бумаги, на котором культура или общество пишет свои письма, а что рождается он с определенным "запасом первой необходимости", поддерживающим его существование. Обсуждение этого вопроса завело бы нас далеко в сторону, к тому же я уже писал о нем в своих книгах. Напомню только одно положение: человек должен обладать системой ориентирования и объектом привязанности, т.е. у него должна иметься некая картина мира, с которой он должен соотносить себя. При этом ни не очень важно, истинна эта картина или ложна, тем более что у современного человека нет абсолютно правильного представления о мире, а важно то, что она есть и человек в ней нуждается, иначе он не смог бы действовать. Таково основное условие человеческого существования, которое отделяет человека от животного: животное, поступая заранее определенным образом, избавлено от необходимости искать свой путь.

В словах, что человеку нужен объект привязанности, я подразумевал его потребность стать больше, чем сексуально-потребительский механизм. Даже испытывая половое удовлетворение и имея изобилие пищи, человек не достигает счастья; более того, он не защищен от безумия! Помытуя об этом, взглянем на богатейшую и, пожалуй, самую несчастную культуру, члены которой научились хорошо скрывать мысли о своей беде.

Р А Ч К: Вы говорите вообще о человеке?

Ф Р О И М: Я имею в виду среднего человека западного индустриального общества, который участвует в безмерном потреблении материальных ценностей и не входит в число изгоев. С каждым годом у него подвлияется все больше товаров и услуг, и нескоря на это неудовлетворенность растет, а вместе с ней растет деструктивность. Уже поэтому у человека должна быть какая-то высшая цель, привязанность к чему-то, что лишает его эгоизма. Что такая необходимость реально существует, подтверждается большим эмпирическим материалом.

.. Человеку нужна свобода. можно, конечно, повести его и до такого состояния, когда он полюбит рабство, но с одним условием — он станет агрессивным и ограниченным, в нем воцарятся страх и беспокойство. Нельзя, закабалив человека, сделать его веселым, счастливым и миролюбивым; стоит лишь перешагнуть какой-то предел, и поработанный начинает мстить своему поработителю мятежом, разрушениями, потерей жизне-способности. История это — лаборатория, где сказанное видно вполне наглядно.

Остановлюсь на садистском характере. Прежде всего, все зависит от того, как понимать слово "садизм". Фрейд и многие его последователи видели в садизме сугубо сексуальный феномен. Подтверждение он находил в общепризнанном факте, что у многих людей /по-видимому, чаще у мужчин, чем у женщин/ сексуальное возбуждение и удовлетворение связаны с издевательствами партнера, причинением ему страданий и унижений и нанесением оскорблений. Фрейд объяснял садизм как разновидность полового желания, что соответствует одной из ранних стадий развития либидо и при определенных обстоятельствах снова появляется у некоторых людей и полностью или отчасти выражает их сексуальные влечения.

Я думаю, однако, что садизм — гораздо более широкое явление, чем его описал Фрейд. В основе садизма, по-моему, лежит стремление к власти над живым существом, то есть желание полностью подчинить его себе, господствовать над ним, делать с ним все, что задумается, как бы заняв место всемогущего Бога. Это желание может выражаться путем причинения

боли и физического унижения, перед которыми жертва беззащитна. Садизм исходит из беззащитности и слабости жертвы, никогда не выбирая ее в виде сильного человека, что особенно наглядно проявилось при нацизме.

Конечно, существуют многие формы власти, не обязательно связанные с причинением физической боли или унижения. Вместе с тем, можно легко проследить садистские элементы в отношениях между людьми, один из которых обладает всей полнотой власти над другим, — как-то: родители, учителя, воспитатели, тюремщики и вообще люди с высоким социальным положением. Человек с властью часто пользуется ею для своего господства над другими. Грубые формы садизма: избивание, нанесение ран или оскорблений, это — самые явные и малоинтересные проявления садизма; другие, менее явные, можно обнаружить в стремлениях человека к достижению господства над другими людьми.

Распознать человека с садистскими чертами довольно легко: он не дружелюбен, не способен к любви, в конечном счете, неуверен и непродуктивен, а главное — он страстно стремится к доминированию, насколько это возможно, над всеми и каждым. Рассмотрим простой пример. На почте, за окошечком сидит служащий, который в шесть часов кончает свою работу. Скоро шесть, а у окошечка еще два человека, отстоявшие длинную очередь. Ровно в шесть часов служащий захлопывает окошечко и уходит. Если присмотреться к этому человеку внимательно, можно, вероятно, заметить на его губах некое подобие улыбки: он заставил людей прийти завтра, они напрасно простояли в очереди. Не имеет значения, обязан он был по служебной инструкции закрываться ровно в шесть или мог поработать еще несколько лишних минут, как не имеет значения и его возможный вопрос: "Что же мне, какой день так задерживаться?" Такой вопрос мог бы объяснить его поведение, но эта тень довольной улыбки выдает садиста!

Вихевристы оставят ее без внимания, так как она не поддается анализу точными методами. Конечно, лицо можно сфотографировать, но не исключено, что на снимке эта улыбка не будет заметна. Однако, любой в меру чуткий человек легко узнает лицо садиста.

Р А Ч Ф: Как все это связано с характером? Сколь сильно взаимосвязаны характер и садизм? Вы говорили о садизме как о "глубокой потребности, но ведь то же самое можно сказать об инстинкте?

Ф Р О И М: Да. Попробую уточнить. Инстинкт не зависит от внешних условий и его корни столь глубоки, что он не может исчезнуть при определенных условиях у одних и появиться в иных условиях у других людей. Инстинкт — это вложенный в мозг определенный тип реакции, который хотя в какой-то степени зависит от внешних обстоятельств, но функционирует, в основном, автоматически, действует спонтанно и велит к формированию конкретных установок. Рассмотрим, например, сексуальность, про которую вполне можно сказать, что это инстинкт. Так не бывает, чтобы у какой-то группы людей были сексуальные желания, а у другой — нет. Конечно, конкретные объекты стимулируют сексуальный импульс, но известно, что даже если они отсутствуют, сексуальное влечение все равно сохраняется.

Р А Ч Ф: Незадолго до выхода в свет "Анатомии человеческой деструктивности" Вы писали в газете "Националь-Цайтунг": "Вероятно, главный источник агрессивности и деструктивности — это ч е л о в е ч е с к а я с к у к а. Эта скука порождена не внешними причинами или ограниченным стимулированием /как, например, в опытах по изучению сенсорного голода или в тюремной камере-одиночке/. Это — с у б ъ е к т и в н ы й ф а к т о р, причина которого сам человек, его неспособность по-настоящему заинтересоваться окружающими его вещами и людьми". Далее Вы продолжали: "Рост скуки непосредственно связан с формами, структурой и функционированием современного индустриального общества".

Поясните, пожалуйста, свое утверждение о "вероятно, главной причине агрессивности в наше время", а также уточните те факторы, которые ведут к развитию деструктивности.

Ф Р О М М: Это сделать непросто, ибо факторов, способствующих развитию пеструктивности, довольно много. Один из них заключается в том, что жизнь утратила смысл, а человек — последнюю надежду, что даже продолжая жить, он чувствует, как жизнь, словно песок, бежит сквозь его пальцы. Ему неизвестно счастье. У него нет ничего, что бы позволило ему почувствовать себя личностью. Наконец, он, по словам Ницше, "в обилие на жизнь". Он ненавидит жизнь, ибо, живя, не живет и сознает это. Он ненавидит жизнь, ибо одинок, отринут миром и бессильен с этим что-то сделать. Он ненавидит жизнь, ибо не может найти в ней радость, любовь, понимание, солидарность, интерес к людям, творчество.

Существует еще одно обстоятельство, которое играет в наше время большую роль: скука. В Америке /а теперь и в Германии/ рабочие жалуются не на низкий заработок, а на неотделимую от современного труда скуку. В переговорах между рабочими и предпринимателями рабочие требуют уменьшить эту скуку. Некоторые предприниматели в этом направлении уже что-то делают, например, проводят децентрализацию производства.

Чем вызвана скука? Тем, что человек окончательно стал инструментом, что он лишен всякой инициативы и ответственности, что он спускает себя крохотным винтиком в огромной машине, который в любой момент могут заменить другим. Скука, таким образом, вытекает из отчуждения человека: от себя, от других людей, от творчества, из того факта, что человеку противостоит мир, над которым он более не властен и интерес к которому непрерывно ослабевает. Это касается не только рабочих, но и служащих, да и вообще большинства людей, кроме тех, кто занят интересной и творческой работой — ученых, исследователей, врачей и менеджеров (по крайней мере тех, кто стоит у рычагов управления предприятия и способен к творческим действиям).

Только если человек глубоко заинтересован своей работой /я опираюсь на первичное значение слова "интерес" — находиться внутри, быть в центре/, он счастлив, он чувствует, что его жизненные силы тратятся не напрасно, он не отвергнут миром, а связан с ним, он не бессильен, может любить

свою работу, людей и вещи. Но если человек — крохотный винтик и исполнитель чужих приказов /даже если ему за это хорошо платят/, если он лишен ответственности и не испытывает интереса к своей работе /сидит ли он за пультом компьютера или стоит у ленты конвейера/, тогда его охватывает скука.

Р А Ч Ф: Какие социальные проблемы возникают в западном обществе в связи с ростом скуки?

Ф Р О И М: Если бы сейчас ввели двухчасовой рабочий день вместо семичасового, психиатрические больницы, по-моему, не справились бы с наплывом жертв скуки... Скучающий человек не способен ни к чему положительному и практически у него всего одна возможность сделать насыщенной свою жизнь — деструкция. Уничтожая жизнь, он возвышается над ней, мстит за то, что ему не удалось наполнить ее смыслом. Уничтожая жизнь, он доказывает себе, что она не смогла его обмануть.

Сказанное подтверждается обширным клиническим материалом. Возьму только несколько случаев, когда американские подростки беспричинно нападали с ножами на совершенно незнакомых людей. Впоследствии, они так объясняли свое поведение: "В моей жизни это был незабываемый момент — по измученному болью лицу я понимал, что еще кое-что значу, что я — не абсолютный нудь". Подобное решение проблемы несомненно радикальное садизма, так как основано на отрицании самой жизни: губя жизнь незнакомого человека, в какой-то мере, компенсируется собственная неспособность к жизни.

Деструктивные тенденции современности усиливаются, по-моему, из-за роста скуки и бессмысленности жизни, потому что люди все сильнее охвачены страхом, потому что у них нет надежды и веры в будущее. Одинаково важно и то, что они чувствуют себя обманутыми всеми идеологиями, всеми партиями, всеми религиями. В подобном положении многие находят только один выход: уничтожить жизнь, чтобы отомстить обманщикам и себе.

/1977г./.